

005060017

На правах рукописи

Сабитов Марат Ринатович

**СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МАССОВОЙ
ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ**

Специальность – 23.00.02 – «Политические институты, процессы
и технологии»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Сабитов

23 мая 2013

Саратов - 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Дорожкин Юрий Николаевич

Официальные оппоненты: **Федотов Александр Сергеевич**
доктор политических наук, профессор;
ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный социально-
экономический университет»;
профессор кафедры экономической
социологии, рекламы и связей
с общественностью
Громаков Анатолий Федорович
кандидат исторических наук, профессор;
общенациональный научно-политический
журнал «Власть»;
заместитель главного редактора

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО
«Ульяновский государственный университет»;
кафедра социологии и политологии

Защита состоится «07» июня 2013 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.241.01 при Саратовском государственном социально-экономическом университете по адресу: 410003, Саратов, ул. Радищева, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Саратовского государственного социально-экономического университета по тому же адресу

Автореферат разослан «06» мая 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Донин Александр Николаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что на современном этапе в разных регионах мира наблюдается рост массовой протестной активности, принимающей самые разнообразные формы: от конвенциональных мирных выступлений граждан до силового противостояния населения с представителями власти. Массовые акции протеста последнего десятилетия сопровождали самые судьбоносные для разных стран политические события. Совокупность политических кризисов, приведших к смене политических элит в ряде государств постсоветского пространства (Грузия, Украина, Кыргызстан), как и фундаментальные политические перемены весны 2011 года в ряде арабских стран, неизменно проходили на фоне политической мобилизации населения и роста массовой политической активности. Рост протестного акционизма наблюдается и в странах Запада, где негативные тенденции мирового экономического кризиса стимулировали движение в США «Захвати Уолл-Стрит» (англ. Occupy Wall Street) и другие аналогичные акции в других городах самых разных стран. Сегодня о росте массовой протестной активности можно говорить как о глобальном тренде политического развития. Не случайно авторитетный американский журнал «Time» присвоил звание «Человек года – 2011» собирательному образу мирового «протестующего»¹. Как указали редакторы этого журнала, образ «протестующего» включает в себя, в том числе, и участников российских протестных акций декабря 2011 года.

Оказавшаяся неожиданной для большинства ученых и экспертного сообщества волна протестного движения россиян в ходе и после электорального цикла 2011-2012 гг. также актуализировало проблему исследования детерминант массовых протестных акций в современной России. Чрезвычайную актуальность приобрели вопросы о характере российских протестов. Можно ли причислить эти акции к глобальному тренду роста массового протестного акционизма или они носят сугубо уникальный, специфический российский характер?

Не менее актуально звучит вопрос о сущности российских протестов на современном этапе. Можно ли говорить о них как об эндогамном явлении, имеющим глубокие социально-экономические, политические, социокультурные корни или же это не более чем результат манипулятивных технологий коммуникационного свойства, имеющего экзогамную, внешнюю природу?

Еще одной крайне актуальной научной проблемой в рамках выбранной темы является вопрос о перспективах массового протестного движения в современной России. Является ли рост массового политического протеста в России фактором, способным оказать существенное влияние на

¹ Andersen K. The Protester // Time. – 2011. – Dec. 14. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2101745_2102132_2102373,00.html

трансформационные процессы в стране или же мы имеем дело с эпизодическим событием маргинального характера?

Наконец, последние события в России, связанные с ростом массового политического протеста, представили существенный эмпирический материал, требующий научного анализа и обобщения. Новые данные могут дать подтверждение или опровержение ранее выдвинутым теоретическим моделям и гипотезам о причинах и факторах массовой политической мобилизации. В этой связи крайне актуальной задачей является исследование динамики и эволюции детерминант массового политического протеста в России на разных этапах развития, что может открыть для политической науки новые перспективы осмысления, объяснения и понимания сущности и форм политического протеста.

Степень разработанности проблемы. Проблематика массового политического протеста привлекает исследователей из самых разных областей обществоведческой науки. Первые попытки концептуализации и создания теоретических объяснительных схем причин и факторов политического протеста стали появляться во второй половине XIX века. С этого времени можно говорить о становлении ряда научных школ в исследовании протестного акционизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс одни из первых выступили с теорией, претендующей на выявление детерминант массового политического участия. Протестные акции в их работах изучались в контексте анализа рабочего движения и выдвинутой ими теории «классовой борьбы». Основными детерминантами политического протеста в их концепции выступают социально-экономические факторы в виде структуры производительных сил и характера производственных отношений¹. Идеи марксизма, в том числе и в плане анализа массового политического протеста, получили свое развитие в трудах его последователей, таких как В. Ленин, Л. Троцкий и др.² Эти мыслители продолжили анализ массового протеста, рассматривая его как один из элементов революционной борьбы пролетариата.

Иную исследовательскую парадигму массового протеста представляют труды таких ученых XIX - начала XX века, как Б. Адамс, Г. Ле Бон и Ч. Эллвуд³. Эти исследователи обращали внимание на психологические аспекты массовой политической мобилизации и рассматривали политический протест в рамках анализа причин социальной нестабильности и социального конфликта.

Основателем социокультурного подхода в исследовании массовой протестной активности можно считать выдающегося российского социолога П. Сорокина, который на примере Русской революции 1905-1907 гг. попытался выявить причины политического насилия, связав их с огромными

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Собрание сочинений. Т. 27. – 2 – е изд., М., 1967.

² См.: Ленин В.И. Государство и революция // Избранные сочинения. – М., 1986 – Т.2; Троцкий Л.Д. Перманентная революция. – М., 2005; Плеханов Г. В. О роли личности в истории. – М.: Госполитиздат, 1948.

³ См.: Adams B. Coercion and Consensus Theories: Some Unresolved Issues // Curtis J., Petras J. et al. The Sociology of Knowledge. – London: Gerald Duckworth, 1970; Лебон Г. Психология народов и масс. — М.: Академический проект, 2011; Ellwood Ch. A. Sociology in its psychological aspects. N.Y., 1912.

сдвигами и переворотами во всей социокультурной системе западного общества¹.

Очередная волна исследовательского интереса к массовой протестной активности была вызвана студенческими волнениями во Франции в 1968 году. В это время появляются ряд новых теорий, призванных объяснить детерминанты роста протестного поведения населения. Наиболее значимые из них – это концепция относительной депривации (Т. Гарп, Р. Тернер, М. Килльян, Н. Смелзер²) и теория коллективного действия (мобилизации ресурсов) (Ч. Тилли, С. Тэрроу³).

С начала 1980-х гг. массовая протестная активность стала анализироваться рядом исследователей (Дж. Хабермас, А. Мелучи, М. Кастельс, А. Тоурейн⁴) в рамках парадигмы новых социальных движений. Отличительной чертой этого теоретического подхода стал тезис о росте массовой активности как своего рода ответа на перемены, привнесенные эпохой позднего модерна и постмодерна.

Отечественные обществоведы протестную активность в зарубежных странах в советское время изучали с точки зрения критики западных концептов и на основе марксистской методологии (К.Г. Мяло, В.В. Большакова, Э.Я. Баталова⁵).

Рост социальной нестабильности в период «перестройки» и радикальных рыночных реформ начала 1990-х гг. актуализировали проблемы массового политического участия для отечественных ученых, которые приступили к изучению этих проблем на основе российского опыта. Динамике и сущности протестного движения в России 1990-х гг. посвящены работы Е. Здравомысловой, А. Темкина, А. Кинсбургского, И. Климова, Ю. Левады, В. Сафронова, М. Назарова, Л. Гордона, О. Келасьева, В. Петухова, А. Федотова, В. Бойкова⁶.

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992.

² См.: Гарп Т. Р. Почему люди бунтуют. — СПб., 2005; Turner R., Killian M. Collective Behavior. — Englewood Cliffs, 1957; Smelser N. Theory of Collective Behavior. — N.Y., 1962.

³ См.: Тилли Ч. Социальные движения. — М.: Парадигма, 2004; Tilly C. From Mobilization to Revolution. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1978; Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc. — 1989. — Paper N 21.

⁴ См.: Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1-2. — Boston, 1987; Melucci A.. The New Social Movements: A Theoretical Approach. — Social Science Information. — Vol. 19. — № 2. — 1980; Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. — Cambridge, 1986; Castells M. The Rise of the Network Society. — Oxford, UK: Blackwell, 1997; Castells M. The Network Society. A Cross-cultural Perspective. — Northampton, 1984; Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements. — Sociological Research. — 1985. — Vol. 52. — № 4.

⁵ См.: Мяло К.Г. Социальная динамика майского движения // Вопросы философии. 1969. № 6; Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. — М., 1970; Баталов Э.Я. Философия бунта. — М., 1973; Ломейко В. Левее истины. М., 1970; Башнов Б. Мятеж возмущенного разума. М., 1970; Араб-Оглы Э., Жирицкий А. Молодежь и будущее Америки // Мировая экономика и международные отношения. 1971. №10; Новинская М.И. «Студенческая революция» в США и кризис буржуазных ценностей // Вопросы философии. 1972. № 2.

⁶ См.: Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: от государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. — 1994. — №2; Кинсбургский А. В. Социальное недовольство и потенциал протеста // Социс. —1998. — №5; Он же: «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5; Климов И. А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Полис. —1999. — №10; Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. — 1997. — №3; Сафронов В.В. Потенциал

Появились исследования, посвященные анализу протестных настроений в различных социальных группах и проблемно-тематических движениях. Так, протестные аспекты в молодежной среде изучались В. Дубровиным, Е. Сальниковым¹. Массовая протестная активность россиян в контексте экологических социальных движений в России исследованы в работах О. Яницкого, С. Фомичева, И. Халия, О. Цепиловой². Протестные настроения и стратегии забастовочного движения в рабочей среде изучены И. Шаблинским, А. Зайцевым, А. Клементьевой, С. Ермаковым, Ю. Карпенковым, А. Кравченко, Ю. Миловидовым, Д. Левчиком, С. Поцелуевым, А. Кацвой³.

Региональные аспекты массовой политической активности и протеста исследовались Ю. Растовым, В. Воронцовым, Ю. Дорожкиным, С. Егорышевым, Н. Петровой, Ю. Никифоровым, В. Бондаренко, Т. Махмутовым и другими⁴.

Внезапный рост массовой политической активности в России в декабре 2011 начале 2012 гг. пока не получил комплексного и всестороннего научного осмысления. Тем не менее, научное и экспертное сообщество уже откликнулось на это событие рядом аналитических работ, пытающихся ответить на вопрос о причинах и главных детерминантах политической

протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - №4; Назаров М. М. Политический протест: опыт экономического анализа // Социологические исследования. 1995. № 11; Гордон Л. А. Общество «недовольных»: Особенности массового сознания в переходный период // Политические исследования. 1998. № 3; Келасьев О. В. Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста // Журнал социологии и антропологии. 2006. Т. 9. № 1; Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. - 2002. - № 6; Бойков В.Э. Бумеранг социального самочувствия // Социс. - 1998. - №1.

¹ См.: Дубровин В.Ю. Политические акции как способ реализации молодежной агрессии // Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке: Тезисы докладов IV Всероссийского конгресса политологов - М., 2006; Сальников Е.В. Молодежь спортивных фандвижей — новый тип политического экстремизма// Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке: Тезисы докладов IV Всероссийского конгресса политологов. - М., 2006.

² См.: Яницкий О.Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социс. - 1995. - №8; Фомичев С. Р. Зеленые: взгляд изнутри // Политические исследования. 1992. № 1; Халий И. А. Общественность регионов России на страже окружающей среды. - М., 2000; Он же: Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. - М.: Институт социологии РАН, 2007; Цепилова О. Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002 Т. 5. № 1.

³ См.: Шаблинский И. Г. Куда движется наше рабочее движение // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4; Зайцев А.К., Клементьева А. Я., Ермакова С. И., Карпенков Ю.В. Стратегия поведения участников забастовки // Социс. - 1998. - №10; Кравченко А.И. Трудовые конфликты и забастовки // Социалистический труд. - 1989. - №10; Миловидов Ю.А. Тест на протест: умеем ли мы бастовать? // Поиск. - 1998. - №23; Левчик Д. А. Забастовочное движение шахтеров 1988-1991 гг. // Социс. -2003. - №10; Поцелуев С. П. Ритуализация конфликта: По материалам «рельсовой войны» 1998 // Полис. - 2004. - №3; Каца А.М. Забастовки и коллективные действия трудящихся России в 1996 г. // Альтернативы. - 1997. - №2.

⁴ См.: Растов Ю. Е. Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996. № 6; Воронцов В.С. Протестное движение в Удмуртии // Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке: Тезисы докладов IV Всероссийского конгресса политологов. — М., 2006; Дорожкин Ю.Н., Егорышев С.В., Петрова Н.В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций. - Уфа: Восточный университет, 2006; Никифоров Ю. Н., Бондаренко В. Н. «Третья сила» в российской политике (постановка проблемы) // Вестник Башкирского университета, 2011, № 4, с. 1385-1388;.

Махмутов Т.А. Выборы как политическая перепись населения (кто не выбирает в современной России). - Уфа: Лето, 2007.

мобилизации россиян. В их ряду можно отметить статьи В. Гельмана, М. Гайдар, М. Снеговой, А. Олейника, И. Кукулина, М. Майофис, Д. Орлова, Г. Бордюгова, Д. Громова, А. Архиповой, В. Дятликовича, М. Мартемьянова, А. Веселова, В. Дятликовича, Д. Соколов-Митрича, Д. Карцева, Г. Тарасевича, В. Корба, Ю. Красина, В. Римского¹.

Роль Интернет-технологий и социальных медиа в российских протестных движениях рассмотрены в работах М. Лонкила, С. Грина, Д. Радченко, Д. Писаревской, И. Ксенофонтовой, Р. Бараша².

Разнообразные аналитические интерпретации и экспертные обобщения массовой протестной активности россиян на современном этапе, сделанных на основе анализа социологических данных, можно найти в статьях Д. Волкова, Н. Край, М. Мамонова, Б. Дубина, О. Крыштановской, В. Левашова³. Отдельно можно выделить материалы «круглого стола»

¹ См.: Гельман В. Трещины в стене // Pro et Contra, 2012, № 1-2, с. 94-115; Гайдар М., Снеговая М. Революция ценностей: дремлет притихший северный город // Ведомости, 2011, 03.02.2012, №19 (3033); Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // Общественные науки и современность. - 2012. - № 4. - С. 74-80; Лекция Ильи Кукулина и Марии Майофис // Бергенский заяц: газета русскоязычного бергенского сообщества. [Электронный документ]: Режим удаленного доступа: <http://www.bergenrabbit.net>; Орлов Д. Выборы президента: стратегия для Путина и «московский протест». Аналитический доклад // Агентство политических и экономических коммуникаций: [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://www.apecom.ru/articles_article.php?id=2194_0_20_0; Бордюгов Г.А. Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 гда на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012; Громов Д. «Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма // Антропологический форум, 2012, №16, с. 135-153; Архипова А. Анекдоты о Путине и выборах 10 лет спустя, или есть ли фольклор «Снежной революции»? // Антропологический форум, 2012, №16, с. 208-252; Дятликович В. Мартемьянов М. Дети улиц. Как последние полгода изменили протестное движение и власть // Русский репортер, 2012, № 23 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://rusrep.ru/article/2012/06/13/protest>; Веселов А., Дятликович В., Соколов-Митрич Д. Герои эволюции. Почему люди вышли на Болотную площадь и как нам жить дальше // Русский репортер, 2011, № 49 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://rusrep.ru/article/2011/12/13/heroes/>; Карцев Д., Тарасевич Г. Болотная: первая кровь. К чему пришло протестное движение за полгода своего существования // Русский репортер, 2012, № 18 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://rusrep.ru/article/2012/05/10/bolotnaya/>; Корб В. В. «Общие места» как важнейший фактор формирования общества // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 84-91; Красин Ю. А. Феномен уличных протестов и коды российского выбора // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 92-99; Римский В. Л. Причины и мотивы протестных акций в России 2011–2012 гг. // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 110-113.

² См.: Lonkila M. Russian Protest On- and Offline: The role of social media in the Moscow opposition demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs: [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.fiia.fi/assets/publications/bp98.pdf>; Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети и мобилизация. Рабочие материалы ЦИИО, 2012/1. – М.: Российская школа экономики, Центр изучения Интернета и общества, 2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.scribd.com/doc/94393467/Твиттер-и-российский-протест-РМ-ЦИИО-2012-1>; Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтова И. Логика виртуального протеста: неделя после выборов–2011 // Антропологический форум, 2012, №16, с. 5-23; Ксенофонтова И. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 114-116; Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 100-109.

³ См.: Волков Д. Русский протест. Осмысленный! Социологические итоги полугодия «новой оппозиции» // Новая газета, 10. 07. 2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/53458.html>; Он же: Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011, № 2, с.8-28; Он же: Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012, № 2, с. 73-86; Край Н. Чего хочет «улица»? // Expert Online, 28. 12. 2011 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://expert.ru/2011/12/28/chego-khochet-ulitsa/>; Мамонов М. В. Протестное

«Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе», прошедшего в рамках Научного совета ВЦИОМ и на котором с научно-аналитическими докладами выступили ведущие российские социологи и политологи: В. Федоров, С. Белановский, В. Корб, В. Петухов, Г. Кертман, Е. Минченко, М. Виноградов, С. Михеев, И. Фомин, К. Клеман, А. Бикбов, А. Зудин, А. Андреев, И. Климов, И. Задорин,¹

Исследование непосредственных участников протестных акций, их лозунгов, плакатов и политических требований на основе качественных опросных методов представлено в работах М. Алексеевского, А. Мороза, М. Ахметовой, А. Молодых, С. Скарлош, А. Бикбова². В работах Г. Суворова представлено описание социальных характеристик участников массовых акций, осуществленное на основе анализа виртуальных профилей протестантов³.

Между тем, до сих пор в анализе современного массового

движение в России и российское общественное мнение: декабрь 2011 – май 2012 // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 1 (1-7), с. 5-22; Дубин Б. О безальтернативности и альтернативах. Опыт последних месяцев в социальной истории России // Гептер, 25.06.2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://gefter.ru/archive/5100>; Самсонова Т. Крыштановская: «Сажать Навального бессмысленно – революцией управляют аккаунты» // Slon.ru, 14.05.2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://slon.ru/russia/kryshtanovskaya_sazhat Navalnogo bessmyslenno revolyutsiei upravlyayut akkaynty-787411.xhtml; Левашов В. К. Гражданское общество: протест или консенсус? // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 73-83.

¹ См.: Материалы заседания Научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 14-46.

² См.: Алексеевский М. Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум, 2012, №16, с. 154-172; Мороз А. Протестный фольклор декабря 2011 г. Старое и новое // Антропологический форум, 2012, №16, с. 173-192; Ахметова М. ...И бандерлоги пришли: высказывание В.В. Путина и «народный плакат» // Антропологический форум, 2012, №16, с. 193-207; Молодых А., Скарлош С., Ахмедова М. «Власть думает, что сейчас мы покричим и успокоимся». Чего хотят участники митинга на Болотной площади // Русский репортер, 2011, № 49 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://rusrep.ru/article/2011/12/13/heroes2/>; Бикбов А. Уличный лагерь #ОккупайАбай рисует общество // Сайт Александра Бикбова 13. 05. 2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://a.bikbov.ru/2012/05/ulichny-lager-occupyabai-risuet-obschestvo/>; Он же: Протестное движение перестало быть митингами выходного дня // Le Courrier de Russie. 22. 05. 2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.lecourrierderussie.com/2012/05/22/aleksandr-bikbov-protestnoe-dvizhenie-perestalo-byt-mitingami-vyihodnogo-dnya/>; Он же: Дубинки ОМОНа превратили людей в последователей Ганди // Московские новости, 17. 05. 2012. [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://mn.ru/politics/20120517/318265276.html>; Он же: Плоды умолчаний // Эксперт, 2012, № 12 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://expert.ru/expert/2012/16/plody-umolchaniy/>; Он же: НИИ митингов: войны «Болотной» и «Поклонной» не будет // Slon.ru, 28.02.2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://slon.ru/russia/nii_mitingov_voyny_bolotnoy_i_poklonnoy_ne_budet-758125.xhtml; Он же: Как #ОккупайАбай рисовал российское общество. Последнее исследование в лагере // Slon.ru, 16. 05. 2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://slon.ru/russia/kak_okkupayabay_risoval_rossiyskoe_obschestvo_poslednee_issledovanie_v_lagere-789076.xhtml

³ См.: Суворов Г. Кто же все-таки был на Болотной и на Сахарова? Анализ профилей 20 000 участников митинга [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://basilisklab.com/boloto-analisis-posetitelei.html>; Он же: Болотная и Сахарова – 2. Кто НЕ пошел на митинг? Еще 15 000 профилей [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://basilisklab.com/boloto-analisis-2.html>; Он же: Общество анонимных революционеров // Slon.ru, 20.03.2012 [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://slon.ru/russia/obschestvo_anonimnykh_revolyutsionerov-765700.xhtml

политического протеста в России превалируют описательные исследования и ощущается крайняя нехватка всестороннего и комплексного научного исследования детерминант политической мобилизации россиян. Актуальность, недостаточная исследованность и существенная значимость вышеуказанных проблем определили выбор темы диссертационного исследования.

Объект исследования – массовые политические протесты в современном обществе.

Предмет исследования – современные детерминанты массового политического протеста в России.

Цель работы – исследование протестного движения и его динамики в условиях постсоветских трансформаций конца XX – начала XXI веков в России, выявление основных детерминант, тенденций и особенностей массовой политической активности.

Задачи исследования:

- определить теоретико-методологические основы исследования детерминант массового политического протеста в современной России;
- выделить основные этапы протестного движения в современной России;
- рассмотреть структурные и политико-институциональные детерминанты протестной активности граждан на разных этапах развития современной России.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются классические теории политической мобилизации и протестного участия социальных групп, изложенные в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Авторский ракурс анализа политического протеста основывался на фундаментальных идеях Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. Макадама, заложивших основы теории коллективного действия и мобилизации ресурсов. Структурные детерминанты политического протеста изучались на основе теории коллективного поведения и концепции относительной депривации (Т. Гарр). В объяснении политико-стратегических причин политического протеста были использованы методологические положения элитизма и теории рационального выбора.

Важное методологическое значение для исследования имела теория модернизации (С. Липсет, С. Хантингтон) и концепция демократического транзита (Д. Ростоу, Г. О' Доннелл, Т. Карл, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский), в рамках которых были обоснованы положения о роли среднего класса в социально-политических изменениях и возникновении протестных социальных движений.

Ведущими методами исследования стали также структурно-функциональный, сравнительный, исторический, социологический и статистический анализ детерминант массового политического протеста в современной России.

В работе использованы такие общенаучные методы исследования как формально-логический, анализ и синтез, индукция и дедукция,

моделирование, контент-анализ, ивент-анализ и ряд опросных методов.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются данные социологических опросов ведущих российских центров изучения общественного мнения (Левада-Центра, ФОМ, ВЦИОМ), касающихся динамики социальных настроений, политических оценок и уровня протестного потенциала населения. Для анализа социально-психологического самочувствия россиян использовались результаты многолетних социологических замеров, проводимых Институтом социологии РАН в рамках проекта «Двадцать лет реформ глазами россиян»¹. Социологические данные также использовались для анализа социального портрета протестующих. В частности, с этой целью были использованы данные опросов участников протестных акций в Москве, проведенных в период с декабря 2011 г. по июнь 2012 г. Левада-Центром и ВЦИОМ². В работе были использованы также аналогичные опросы, проведенные в разное время отдельными исследователями, например, А. Соколовой, М. Головиной, Е. Семирхановой, О. Крыштановской³.

В работе привлечены официальные статистические данные Федерального комитета государственной статистики РФ, официальные данные электоральной статистики ЦИК РФ, данные макроэкономических показателей развития России от Всемирного банка и других аналитических центров.

Анализ численности протестных акций осуществлялся на основе официальных данных МВД РФ, ГУВД г. Москвы, официальных заявлений организаторов митингов.

Эмпирической основой служило также федеральное законодательство, регулирующее сферу публичных мероприятий и информационного пространства.

Исследовательская гипотеза состоит в предположении о том, что

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 304 с.

² См.: Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря. Пресс-выпуск 26.12.2011 // Левада-Центр [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrja>; Опрос на митинге 4 февраля. Пресс-выпуск 13.02.2012 // Левада-Центр [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://www.levada.ru/13-02-2012/opros-na-mitinge-4-fevralja>; Митингующие в Москве: кто, зачем и как вышел на проспект Сахарова в субботу? Пресс-выпуск № 1917 от 27.12.2011 // ВЦИОМ [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112274>; Митинг 4 февраля на Болотной площади: результаты опроса участников. Пресс-выпуск № 1954 от 15.02.2012 // ВЦИОМ [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492>; Социальный портрет протестного движения в Москве. Пресс-выпуск № 2056 от 27.06.2012 // ВЦИОМ [Электронный документ]: режим удаленного доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>; «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения (материалы специального исследования ВЦИОМ) // Мониторинг общественного мнения, 2012, № 3 (109), с. 47-72.

³ См.: Соколова А., Головина М., Семирханова Е. «Бандерлоги» на проспекте Сахарова: социологический портрет // Антропологический форум, 2012, №16, с. 127-134; Крыштановская О. Результаты пилотажного исследования протестного сообщества #ОкупайАбай [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://www.facebook.com/notes/ольга-крыштановская/исследование-ккупайабай/396325813739900?notif_t=note_reply.

массовый политический протест обуславливается совокупностью детерминант как структурного, так и политико-институционального порядка. К структурным детерминантам относится наличие дисбаланса между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями социальных групп, что приводит к росту социальной неудовлетворенности и формированию протестного потенциала. Однако реализация протестного потенциала в форме массового политического протеста невозможна без наличия ряда политико-институциональных детерминант, главными из которых являются: особенности политического режима, степень дифференциации политических элит и распределение ресурсов между основными политическими акторами.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- уточнено определение «политического протеста», как совокупности активных или пассивных политических практик индивидуальных или коллективных субъектов в форме конвенциональной или неконвенциональной сигнализации недовольства по отношению к политической системе или отдельным аспектам существующего политического порядка в обществе;

- разработана теоретическая модель детерминант массового политического протеста в современной России, учитывающая комплекс как структурных, так и политико-институциональных истоков массового протестного активизма;

- предложена периодизация массового политического протеста в постсоветской и современной России;

- определены структурные и политико-институциональные детерминанты массового политического протеста на каждом из выделенных этапов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ массового политического протеста должен учитывать совокупность структурных и политико-институциональных детерминант. К первым можно отнести условия и факторы, влияющие на рост групповых ценностных ожиданий и снижение групповых ценностных возможностей, что приводит к феномену «относительной депривации» и росту протестного потенциала. Наличие относительной депривации и протестного потенциала являются необходимыми, но недостаточными факторами, детерминирующими политический протест. Непосредственная реализация массового политического акционизма в значительной степени зависит от детерминант политико-институционального характера, к каковым, прежде всего, можно отнести: особенности политического режима; степень дифференциации политических элит; распределение ресурсов между политическими акторами.

2. Политический протест в постсоветской и современной России прошел в своем развитии следующие пять этапов: 1989-1991 гг. – этап массового протеста антикоммунистической направленности; 1992-1993 гг. –

этап политической мобилизации масс коммунистической оппозицией; 1994-1999 гг. – этап роста рабочего забастовочного движения при низком уровне массовой политической протестной активности; 2005-2011 гг. – этап локальных протестов «проблемного характера»; 2011 г. по настоящее время – новый этап массового политического протеста разнородных политических сил, объединенных на основе «негативного консенсуса».

3. Структурными детерминантами массового политического протеста в период 1989-1991 гг. являлись: прошлый рост групповых ценностных возможностей; восходящая ценностная мобильность референтных групп и появление новых ценностных возможностей. Все эти детерминанты привели к росту ценностных ожиданий при тенденции сокращения групповых ценностных возможностей, вызванных неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой и системным кризисом плановой экономики советского государства. Данные структурные детерминанты обусловили социальное напряжение, которое можно определить как прогрессивную депривацию. Наличие благоприятных политико-институциональных детерминант (либерализация авторитарно-коммунистического режима при М. Горбачеве; раскол политических элит и перераспределение ресурсов между политическими акторами в пользу «демократической» оппозиции) привели к масштабному массовому политическому протесту.

4. На этапе радикальных рыночных реформ (1992-1993 гг.) политический протест приобрел более радикальные, но значительно менее масштабные формы. Это объясняется тем, что при сохранении и даже обострении всех прошлых структурных детерминант (интенсивной депривации прогрессивного типа) система политико-институциональных факторов не создавала возможностей для расширения политического протеста. Из трех необходимых факторов политического порядка, способных детерминировать массовый протест, наличествовали только два: переходный политический режим, имеющий противоречивую институциональную структуру, стимулирующую конфликт ветвей власти, и раскол политических элит. В то же время распределение ресурсов между конкурирующими политическими акторами не было равным. Доминирование информационно-технических, административных, электоральных и силовых ресурсов у Президента РФ ограничило возможности расширения массового протеста в поддержку оппозиции. Кейс 1992-1993 гг. позволяет заключить, что отсутствие того или иного политико-институционального фактора не исключает политической мобилизации населения, но существенно ограничивает масштаб массового протеста.

5. Специфика периода 1994-1999 гг. заключалась в отсутствии массового политического акционизма при наличии интенсивной относительной депривации убывающего типа. На фоне роста экономических забастовок рабочих подавляющее большинство россиян изолировались от протестных акций политического характера. Это, однако, свидетельствовало не об отсутствии практик массового политического протеста, а говорило о

смене форм протестного поведения. Доминирующей формой протестной активности на данном этапе для большинства россиян стали конвенциональные формы протестного голосования. Объяснение данного феномена лежит в плоскости политико-институциональных детерминант этого периода, которые успешно блокировали неконвенциональные формы политического участия населения и оппозиционных элит, создавая стимулы для канализации протеста в институциональные рамки. Ограниченный масштаб протестного акционизма, таким образом, на данном этапе объясняется: а) особенностью политического режима гибридного типа, предусматривающего конкурентные выборы, способствующие преадресации протестного потенциала в формы электоральной протестной активности; б) фактором фрагментации политических элит, создающим для оппозиции объективные трудности в плане наращивания масштабов протеста; в) характером распределения ресурсов между политическими акторами, при котором монополия силовых ресурсов у доминирующего актора в лице Президента создавала большие издержки и ограничения для протестной «уличной» стратегии, в то время как относительная дисперсия информационных и институциональных ресурсов создавало благоприятные возможности для победы оппозиции в рамках электоральной состязательности.

6. Основные структурные и политико-институциональные детерминанты современного массового политического протеста 2011-2012 гг., складывались в период 2005-2011 гг. К структурным детерминантам относились такие факторы как прошлый рост групповых ценностных позиций и появление новых ценностных возможностей, которые обуславливались экономическим ростом 2000-2008 г. и расширением среднего класса. Рост ценностных ожиданий этого типа опережал развитие политических и социальных институтов, обусловив формирование у наиболее модернизированных социальных групп российского общества относительной депривации опережающего типа.

7. Кроме структурных детерминант, ответственных за формирование относительной депривации и рост протестного потенциала, к 2011 году сложилась благоприятная для реализации массовой протестной активности комбинация политико-институциональных факторов. К их числу можно отнести: а) особенности политического режима, авторитарное управление которого осуществлялось не столько посредством репрессивного подавления, сколько с помощью манипулятивных практик и перераспределении экономических доходов сырьевой ренты; б) изменения структуры элит, вызванное консолидацией части оппозиционных сил на основе «негативного консенсуса», что позволило на время решить проблему фрагментированности оппозиции; в) относительное перераспределение ресурсов между политическими акторами в пользу оппозиции.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Представленные в диссертации теоретические обобщения и выводы существенно дополняют имеющиеся подходы в исследовании массового

политического протеста. Материалы диссертации могут содействовать дальнейшему научному анализу этапов и особенностей развития протестного движения в России.

Результаты исследования, связанные с пониманием источников и детерминант массового политического протеста, позволяют заложить основы для принятия управленческих решений, направленных на сохранение стабильности политической системы общества и эффективного разрешения социально-политических конфликтов.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий для студентов высших учебных заведений, могут применяться в преподавании общего курса политологии, соответствующих спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы прошли апробацию на Международной научно-практической конференции «Государство будущего: политико-правовой аспект» (г. Уфа, 22 февраля 2012); Всероссийской научно-практической конференции «Национальная политика и культура в современных условиях» (Уфа, ноябрь 2011 г.); IV Всероссийской научно-практической конференции «Власть, Общество, Личность» (Пенза, октябрь 2010 г.); Общероссийской научно-практической конференции «Современные исследования социальных проблем» (Красноярск, октябрь 2010 г.) и других.

По теме диссертационного исследования опубликовано 7 статей общим объемом 2 п. л.

Структура диссертационной работы. Диссертация (176 страниц) состоит из введения, трех глав, разделенных параграфами, заключения, библиографического списка из 219 наименований и десяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности, определяются объект и предмет изучения, цели и задачи, теоретико-методологические и эмпирические основы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования детерминант массового политического протеста в современной России» содержится анализ проблематики детерминант массового политического протеста в работах зарубежных и отечественных ученых, уточнены дефиниции, составляющие понятийный аппарат исследования, определены аналитические рамки анализа изучаемого политического явления.

В первом параграфе «Основные теоретико-методологические подходы к изучению массового политического протеста» на основе анализа и обобщения различных подходов к определению сущности «политического протеста» разработана и предложена дефиниция данного

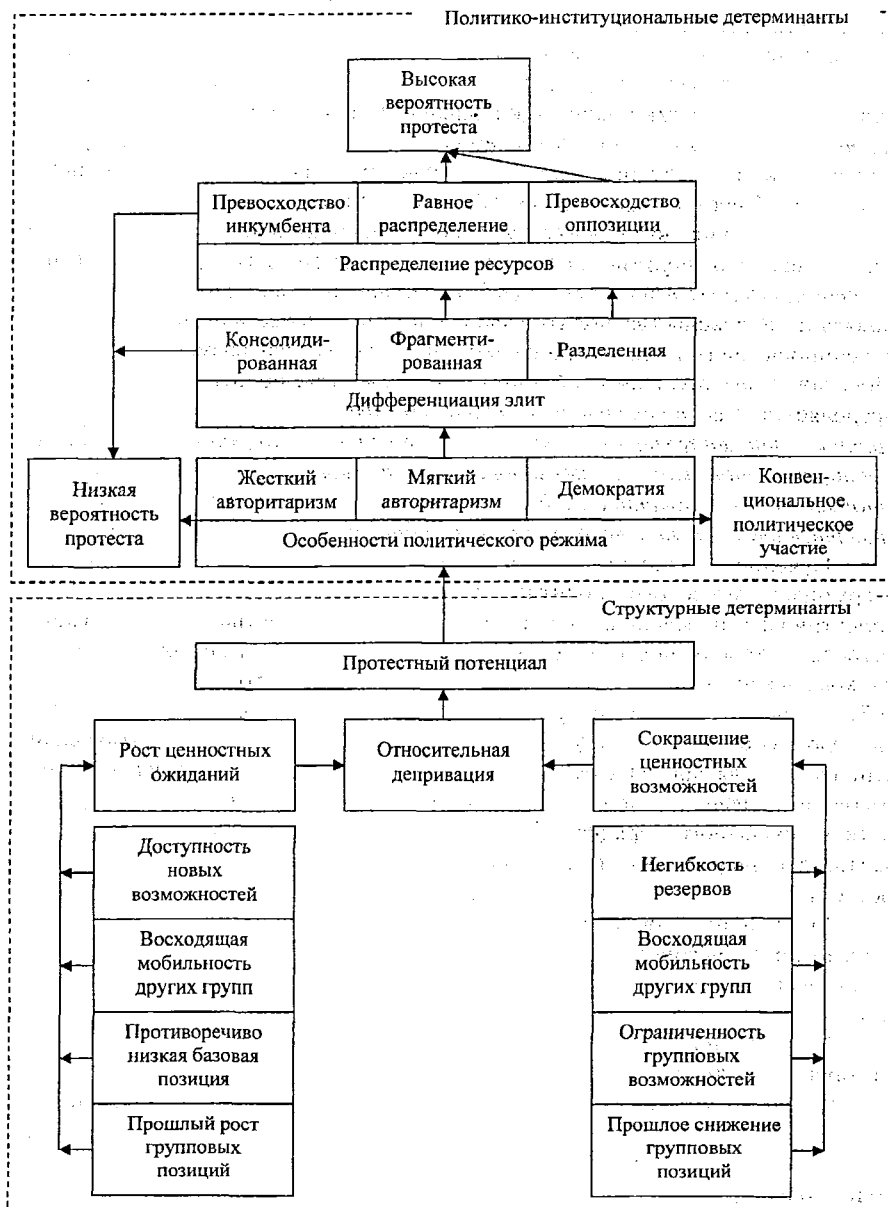
понятия. Особенность авторского подхода вытекает из тезиса о том, что политический протест может выражаться как в конвенциональных, так и не в конвенциональных формах и может иметь как активные (митинги, пикеты), так и пассивные формы политического поведения (абсентеизм). Ключевым признаком политического протеста является не столько уровень активности, публичности или рамки конвенциональности поведения, сколько наличие *негативного посыла* по отношению к политическим институтам, государственной политике или ее отдельным аспектам. Следовательно, политический протест как социальный феномен имеет самые разнообразные формы проявления, выходящие за рамки только активного и публичного акционизма. Это понятие включает в себя также пассивные стратегии поведения, которые могут быть оценены как вполне рациональные практики выражения недовольства политической системой, представленные в форме конвенционального политического действия в виде абсентеизма, протестного голосования или политической аномии. В этой связи политический протест определяется как *совокупность активных или пассивных политических практик индивидуальных или коллективных субъектов в форме конвенциональной или неконвенциональной сигнализации недовольства по отношению к политической системе или отдельным аспектам существующего политического порядка в обществе.*

Изучение основных теоретических подходов исследования детерминант массового политического протеста (в частности, теории коллективного поведения, теории коллективного действия (мобилизации ресурсов) и теории новых социальных движений) привел автора к выводу, что комплексный анализ детерминант массового политического протеста требует учета как *структурных, так и политико-институциональных факторов* социального недовольства и возможностей для политической активности граждан. Изучение теоретических работ по изучаемой теме позволило выявить ключевые детерминанты структурного и политико-институционального порядка, обобщение и синтез которых позволил автору разработать теоретическую модель детерминант массового политического протеста.

Во втором параграфе «Теоретическая модель современных детерминант массового политического протеста в России» предложена теоретическая модель современных детерминант массового политического протеста в России (См. Рис. 1), обоснована и раскрыта суть ее содержания.

В диссертации указывается, что для комплексного анализа причин и факторов массового политического протеста необходим учет как детерминант субъективно-психологического, структурного (социально-экономического), так и политико-стратегического характера. Не ставя под сомнение тезис Ч. Тилли о наличии в любом обществе групп недовольных, что позволяет факторы политической мобилизации считать ключевыми

Рис. 1. Модель массового политического протеста

в реализации протеста¹, автор, тем не менее, считает важным изучение глубинной социальной природы этого недовольства с целью более глубокого осмысления актов массового политического протеста в каждом конкретном случае, а также выявления конкретных социальных групп, интегрированных в массовый политический акционизм. В этой связи теория относительной депривации Т. Гарра рассматривается как не потерявшая актуальность и ее базовые положения используются в авторской теоретической модели в синтезе с теорией политической мобилизации и политико-стратегическим подходом.

Автор считает целесообразным разделять такие понятия как *потенциал политического протеста* и *собственно политический протест*. Первое понятие является необходимым условием второго, однако детерминирующие факторы их различны. Детерминантами протестного потенциала являются *структурные противоречия социально-экономического или ценностно-идеологического характера*, ответственные за *интенсивность и масштаб социальной относительной депривации*.

Политический протест есть выражение социального недовольства, вызванного социально-экономическими и/или социокультурными изменениями, нарушающими равновесие между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями индивидов. Нарушение этого равновесия порождает психологическую неудовлетворенность (относительную депривацию) социальных групп. Опираясь на методологические положения Т. Гарра, в модели выделяются следующие структурные детерминанты, влияющие на рост групповых ценностных ожиданий. Это: а) появление новых ценностных возможностей; б) восходящая ценностная мобильность других социальных групп; в) низкая базовая ценностная позиция; г) прошлый рост групповых ценностных позиций².

К структурным детерминантам, влияющим на другой источник относительной депривации - снижение групповых ценностных возможностей - можно отнести: а) дефицит или блокирование ценностных резервов; б) восходящую ценностную мобильность других социальных групп; в) прошлое снижение групповых ценностных возможностей.

Наличие относительной депривации и протестного потенциала являются необходимыми, но недостаточными факторами, детерминирующими политический протест. Непосредственная реализация массового политического акционизма в значительной степени зависит от детерминант *политико-институционального характера*, к каковым, прежде всего, можно отнести: особенности политического режима; степень дифференциации политических элит; распределение ресурсов между политическими акторами.

К *особенностям политического режима* автор относит наличие или отсутствие в рамках политической системы институтов, способных

¹ Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978, p. 17.

² Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005, с. 409.

канализировать протестный потенциал в конвенциональные формы политического поведения. К таковым институтам, прежде всего, относятся политические партии, честные и свободные выборы, независимые органы представительной власти и другие институционально-процедурные механизмы демократии. Их наличие способствует трансформации протестного потенциала в конвенциональные формы поведения и сокращает пространство для реализации активного массового политического протеста, хотя и полностью не исключает его.

Наименее затруднительны любые формы политического акционизма в жестких авторитарных режимах, репрессивные механизмы которых создают для участников протеста высокие издержки. И хотя в таких режимах отсутствуют институты конвенциональной канализации протеста, привлечь массовые слои населения в открытые протестные акции оппозиции в данных режимах не удастся. В результате протестный потенциал в жестких авторитарных режимах, как правило, не выходит за рамки сугубо экономических забастовок или трансформируется в пассивные протестные поведенческие практики в виде абсентеизма или политической апатии.

Существенно большее пространство для реализации массового политического протеста существует в «мягких» авторитарных режимах, которые в последнее время исследователи определяют в категориях «соревновательного», «конкурентного»¹ или «электорального авторитаризма»². От классического авторитаризма эти режимы отличает наличие некоторых «пространств свободы», границы которых не должны допустить потерю власти инкубентов, но существование которых само по себе создает некоторые возможности для существования оппозиции и расширяет последний круг ресурсов для политической мобилизации населения.

Важной политической детерминантой массового политического протеста выступает *степень дифференциации политических элит*. Согласно теоретикам элитистского подхода Дж. Хайглю и М. Бертону, можно выделить три основных типа констелляции элит: монолитную, разделенную и фрагментированную³. Поскольку трансформация протестного потенциала в акции массового политического протеста требуют организации и руководства, роль политических элит в этом становится очень значительной. В условиях монолитной элиты массовый политический протест маловероятен или ограничен возможностью стихийных бунтов кратковременного характера, как правило, не выдвигающих политических требований. Условием возможности политического протеста являются типы разделенных (биполярных) или фрагментированных элит, способных инвестировать в массовую политическую мобилизацию населения и возглавить протест.

¹ См.: Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.

² См.: Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra, 2008, № 1, с. 22-35.

³ Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006, p. 42.

Наконец, одной из важных детерминант массового политического протеста выступает *распределение ресурсов между политическими акторами*. Даже в условиях фрагментированной элиты оппозиции сложно приступить к политической мобилизации населения без достаточных ресурсов и возможностей. Увеличение ресурсов в руках оппозиционных акторов способствует росту возможностей массового политического протеста и наоборот. К ресурсам автор относит административные, финансовые, лидерские, информационно-технические и иные материальные, технологические или символические активы, которые расширяют возможности оппозиции для политической мобилизации протестного населения.

Во второй главе «Динамика и детерминанты массового политического протеста в постсоветской России» предложена периодизация волн массового политического протеста в постсоветской России и выявлены основные детерминанты политической мобилизации масс в рамках выделенных этапов. До декабря 2011 г. в развитии протестного движения в России выделяется пять основных этапов. *Первый этап (1989-1991 гг.)* связан с демократическими массовыми митингами и забастовочным движением рабочих, которые до сих пор остаются самыми масштабными протестными политическими акциями в новейшей истории России. Хотя их начало приходится на последние годы существования СССР, тем не менее, по мнению автора, эти события важно рассматривать в сравнительной перспективе, что может дать полезные результаты в осмыслении детерминант массового политического протеста в России на современном этапе. *Второй этап (1992-1993 гг.)* характеризовался политическим протестом коммунистической оппозиции, а также массовой политической мобилизацией населения в ходе драматического противостояния между Президентом РФ и Верховным Советом в октябре 1993 г. Масштабы протеста в это время были значительные, но существенно более скромные предыдущего этапа. Отличительной чертой *третьего этапа (1994-1999 гг.)* стал рост рабочего забастовочного движения экономического характера при сравнительно низких показателях собственно политического протеста. 2000-2004 гг. характеризовались резким спадом протестной активности россиян. Новая волна протеста неожиданно возобновляется масштабным выступлением пенсионеров против «монетизации» льгот в 2005 году. В этой связи *четвертым этапом* можно считать *хронологический отрезок 2005-2011 гг.*, связанный с ростом политического акционизма россиян, имеющей существенные специфические черты и которые можно рассматривать как предпосылки массовой политической мобилизации населения в декабре 2011 г. Масштаб и интенсивность протестных акций *2011-2012 гг.* позволяют выделить эти события в отдельный, *пятый этап* развития массового политического протеста в современной России, хронологические рамки которого, по всей видимости, пока остаются открытыми.

В первом параграфе второй главы «Детерминанты массового политического протеста на этапе «горбачевской перестройки»» исследуются детерминанты политического протеста в период 1989-1991 гг. Исследование динамики массового политического протеста в России в течении данного этапа на эмпирическом уровне в значительной степени подтвердило выдвинутые теоретические гипотезы о значимости как структурных, так и политико-институциональных детерминант в реализации массовой политической мобилизации населения. Так, например, мощная волна политического протеста 1989-1991 гг. была обусловлена совокупностью структурных факторов, ответственных за формирование социальной относительно депривации, и наличием политико-институциональных факторов, создавших благоприятные возможности для трансформации социального недовольства в форму политического протеста.

Во втором параграфе второй главы «Детерминанты массового политического активизма на этапе радикальных рыночных реформ (1992-1993 гг.)» эмпирический анализ данных позволил автору прийти к выводу, что на этапе радикальных рыночных реформ (1992-1993 гг.) политический протест приобрел более радикальные, но значительно менее масштабные формы. Это объясняется тем, что при сохранении и даже обострении всех прошлых структурных детерминант (интенсивной депривации прогрессивного типа) система политико-институциональных факторов не создавала возможностей для расширения политического протеста. Из трех необходимых факторов политического порядка, способных детерминировать массовый протест, находившиеся только два: переходный политический режим, имеющий противоречивую институциональную структуру, стимулирующую конфликт ветвей власти, и раскол политических элит. В тоже время распределение ресурсов между конкурирующими политическими акторами не было равным. Доминирование информационно-технических, административных, электоральных и силовых ресурсов у Президента РФ предопределило не только его победу в противостоянии с оппонентами, но и ограничило возможности расширения массового протеста в поддержку оппозиции. Кейс 1992-1993 гг. позволяет заключить, что отсутствие хотя бы одного из политико-институциональных факторов не исключает политической мобилизации населения, но существенно ограничивает масштаб массового протеста.

В третьем параграфе второй главы «Детерминанты протестного поведения на этапе структурных преобразований государства и общества (1994-1999 гг.)» проведен анализ данных и выявлена специфика протестной активности периода 1994-1999 гг., которая заключалась в отсутствии массового политического акционизма при наличии интенсивной относительной депривации убывающего типа. На фоне роста экономических забастовок рабочих, подавляющее большинство россиян изолировались от протестных акций политического характера. Это, однако, свидетельствовало не об отсутствии практик массового политического протеста, а говорило о смене форм протестного поведения. Анализ электоральной статистики

позволил автору прийти к выводу, что доминирующей формой протестной активности на данном этапе для большинства россиян стали конвенциональные формы протестного голосования. Объяснение данного феномена лежит в плоскости политико-институциональных детерминант этого периода, которые успешно блокировали неконвенциональные формы политического участия населения и оппозиционных элит, создавая стимулы для канализации протеста в институциональные рамки. В частности, степень дифференциации политических элит в рассматриваемый период была достаточно высока. Однако в отличие от предыдущих этапов элитная констелляция имела *фрагментированный*, а не биполярный характер. Это накладывало довольно значимые ограничения на эффективность политической мобилизации населения, так как в условиях фрагментации каждая из элитных групп конкурировала не только с представителями инкумбента, но и друг с другом. В результате возможности политической мобилизации ограничивались только своим собственным электоратом, которого было явно недостаточно для реализации действительно масштабного протеста.

Кроме того, одним из результатов подавления оппозиции в октябре 1993 года стало установление полного контроля над силовыми ресурсами в руках Президента. Принятая в том же году Конституция установила политическую систему с обширными полномочиями Президента, что закрепило за последним монополию на силовые стратегии на формально-правовой основе. Доминирование силовых ресурсов у правящей группы делало стратегию оппозиции, направленную на мобилизацию масс, не только малоперспективной, но и опасной. Решительное силовое подавление оппозиции в октябре 1993 года имело, также, психологический эффект, показав, что радикальные стратегии уличной борьбы будут жестко пресекаться властью и нести для оппозиции серьезные издержки. Все это не могло не повлиять на стратегию политической борьбы оппозиционных групп, которые предпочли отказаться от форм неконвенционального политического протеста. Тем более, что инсталлированный с принятием Конституции 1993 года новый институциональный дизайн политической системы в определенной мере компенсировал всевластие Президента институтом выборов и возможностями вхождения во власть с помощью электорального процесса.

Таким образом, перераспределение ресурсов между политическими акторами после кризиса октября 1993 года оказалось не в пользу оппозиции, что минимизировало ее возможности в мобилизации политического протеста. Однако если силовые ресурсы оказались полностью подконтрольны властвующей группе, то ресурсы информационно-технологического, финансового, организационного типа имели более дисперсный характер, что позволяло оппозиционным элитам осуществлять вполне эффективные электоральные стратегии политической борьбы и наращивать свой политический вес в законодательных органах власти. Это также служило фактором минимизации политического протеста, т. к.

создавало возможности для оппозиционных элит использовать институциональные каналы выражения своего недовольства, а не прибегать к протестным и неконвенциональным способам политической борьбы.

В третьей главе «Структурные и политико-институциональные детерминанты современной массовой протестной активности в России» на основе авторской теоретической модели анализируются детерминанты массовой протестной активности россиян на современном этапе.

В первом параграфе третьей главы «Динамика массовой протестной активности россиян в 2000-е гг. » проведен анализ эмпирических данных, характеризующих волны протестной активности в период 2000-2012 гг. Указывается, что этап 2000-2004 гг. характеризовался минимальным уровнем протестной активности граждан, что было обусловлено сокращением как структурных, так и политико-институциональных возможностей для политической мобилизации населения. Экономический бум и политика рецентрализации государства, предпринятая В. Путиным, в значительной степени ликвидировали истоки относительной депривации и существенным образом повысили позитивные настроения общества. Одновременно с этим властвующая группировка предприняла череду управленческих решений, которые существенным образом переформатировали политико-институциональные детерминанты, ответственные за массовый политический протест. Это касается изменения в структуре элит и перераспределения ресурсов между акторами. Элита приобрела черты монолитности, а в следствии ряд авторитарных шагов оппозиция в значительной степени была лишена не только силового, но и электорального, информационного и финансовых ресурсов. Маргинализация оппозиции на определенный период стабилизировала политическую систему, сократив до минимума возможности и стимулы для массового политического протеста. В тоже время ужесточение авторитарных практик в функционировании политического режима и ликвидация институциональных каналов выражения социального недовольства создавало потенциальные риски для возрождения протестов, а также создавало стимулы для оппозиции к переходу от стратегии электоральной борьбы к акциям прямого действия, поскольку конвенциональные каналы выражения недовольства оказались заблокированными.

Уже скоро данные угрозы стали выражаться на практике, что показало развитие протестного движения в России в период 2005-2011 гг. Этот период характеризовался новой поступательной волной роста протестной активности российских граждан. К основным особенностям протестных акций этого периода можно отнести: а) их рост в период экономического подъема, а не упадка; б) расширение проблемных тем; в) локальность и слабая интеграция протестующих социальных групп друг с другом; г) преимущественно проблемно-ориентированный и аполитичный характер требований протестующих.

Анализ динамики массового политического протеста в современной России в рамках 2005-2011 гг. позволили автору сделать несколько

обобщающих выводов, важных с точки зрения понимания структурных детерминант политической мобилизации населения в декабре 2011 г.

Во-первых, период 2005-2010 гг. характеризовался ростом протестной активности россиян. Хотя специфической чертой основных протестов был их неполитический, а проблемный характер, каждый из них сравнительно легко политизировался, т. к. социальное недовольство часто было связано с проблемами неэффективности государственных институтов, несправедливым законодательством, произволом чиновников и коррумпированностью власти. Все это создавало основы для политизации протестного потенциала, который рано или поздно мог трансформироваться в широкомасштабные политические акции.

Во-вторых, протестные акции носили локальный и достаточно изолированный друг от друга характер. Они возникали как реакция на какую-либо проблему (экономическую, правовую, экологическую, этническую и прочее) и достаточно быстро сходили на нет после разрешения основных причин конфликта.

В-третьих, причины протестных акций и социальные группы, вовлеченные в протест, стали весьма разнообразны. На данном этапе наблюдалось расширение протестного потенциала среди самых разных сегментов общества, отличающихся друг от друга по возрастным, профессиональным и статусным признакам. Их взаимная раздробленность и изоляция являлись объективными ограничителями консолидации и роста масштабов протестных акций. Однако сам по себе процесс вовлечения в протестную активность самых разных социальных групп общества создавал необходимые условия и возможность массового протеста при возникновении информационного повода или социально-политического контекста, способного интегрировать разнородные интересы в единую протестную волну.

В-четвертых, спецификой рассматриваемого этапа стало то, что рост протестного потенциала наблюдался в условиях экономического подъема. Это означает, что природа социального недовольства в сравнении с предыдущими этапами коренным образом изменилась. Самые разнообразные требования протестующих имели объединяющую их характеристику – они были связаны с постмодернистскими ценностями, то есть приоритетными нормами комфортной среды обитания. Причем в понятие «среда обитания» можно включить не только экологические или эстетические ценности чистой природы или идеалы градостроительства. Это также нормы социального общежития, которые требуют реализации справедливого правопорядка и гражданского равноправия. На практике это всегда означает требования справедливого судопроизводства, ограничение произвола правоохранительных органов, общественного контроля над основными государственными институтами. Таким образом, требования защиты комфортной среды обитания неминуемо вели граждан к осознанию политических истоков их локальных проблем. Сам характер социальной депривации выходил за рамки только экономической проблематики и,

следовательно, решить их сугубо экономическими методами становилось невозможно. Спектр протестных требований объективно затрагивал политико-властные отношения и это неизбежно создавало социально-структурные предпосылки для рождения массового политического протеста.

Во втором параграфе третьей главы «Структурные детерминанты массовой протестной активности в современной России» проведен анализ основных структурных детерминант, ответственных за политическую мобилизацию масс в 2011-2012 гг. К таковым автор относит такие факторы как прошлый рост групповых ценностных позиций и появление новых ценностных возможностей, которые обуславливались экономическим ростом 2000-2008 г. и расширением среднего класса с присущими этому социальному слою запросов политического и социокультурного плана, выходящими за рамки сугубо экономических и материальных потребностей. Рост ценностных ожиданий этого типа опережал развитие политических и социальных институтов, обусловив формирование у наиболее модернизированных социальных групп российского общества относительной депривации опережающего типа. Интенсификация относительной депривации была связана также с фактором восходящей мобильности других социальных групп, которыми в данном случае выступали общества европейских государств. В условиях расширения международных контактов данные социальные группы стали рассматриваться частью российских граждан как референтные, создавая примеры контрастных сравнений и усиливая депривационный эффект.

Третий параграф третьей главы «Политико-институциональные детерминанты политической мобилизации масс в современной России» посвящен политико-институциональным условиям, создавшим спектр возможностей для реализации массового политического протеста в России в 2011-2012 гг. К их числу автор относит:

а) особенности политического режима, авторитарное управление которого осуществлялось не столько посредством репрессивного подавления, сколько с помощью манипулятивных практик и перераспределении экономических доходов сырьевой ренты;

б) изменением структуры элит, вызванным формированием среди оппозиционных сил консолидации на основе «негативного консенсуса», что позволило на время решить проблему фрагментированности оппозиции;

в) относительным перераспределением ресурсов между политическими акторами в пользу оппозиции.

В частности, «либеральный курс Д. Медведева» расширил «пространства свободы» внутри авторитарного режима, стимулировав завышенные ожидания, как со стороны части политических элит, так и со стороны более широких социальных групп. Это не только привело к некоторой дезорганизации элитных слоев и ослаблению административного контроля за политическими процессами, но и открыло новые возможности для перераспределения ресурсов между политическими акторами. Новые тенденции в оппозиционной среде (формирование «негативного консенсуса»,

успешное разрушение информационной блокады федеральных телеканалов посредством Интернет-технологий, удачно выбранная стратегия политического участия в избирательном процессе и т. д.) позволили политическим оппонентам власти нарастить ряд ресурсов, позволившим реализовать массовую политическую мобилизацию и масштабный протест в ходе электорального цикла 2011-2012 гг.

В заключении диссертации подведены основные итоги работы и определены перспективы изучения проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах и изданиях в соответствии с требованиями ВАК и Министерства образования и науки Российской Федерации.

1. Сабитов М. Р. Объясняя российский протест: детерминанты массовой политической мобилизации // В мире научных открытий. 2012. № 11.5(35). С. 200-219.

2. Сабитов М. Р. Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 9 (17). Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/sabitov.pdf>.

3. Сабитов М. Р. Массовый политический протест в современной России: динамика и специфика развития // Право и политика. 2012. № 10 (154). С. 1669-1675.

Другие публикации:

4. Сабитов М. Р. Факторы гражданской активности в условиях переходного политического режима // Государство будущего: политико-правовой аспект: Статьи докладов и выступлений Международной научно-практической конференции. Уфа, 22 февраля 2012 г. – Уфа: Издательство «Нефтегазовое дело». 2012. С. 276-278.

5. Сабитов М. Р. Политические детерминанты массового протеста в современной России // Власть, общество, личность: сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА. 2012. С. 71-75.

6. Сабитов М. Р. Политический протест как социальный феномен // Власть, общество, личность: сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА. 2012. С. 75-80.

7. Сабитов М. Р. Некоторые подходы в изучении социал-демократии в современной России // Казанская наука. 2010. № 10. С. 411-412.

Сабитов Марат Ринатович

**СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МАССОВОЙ ПРОТЕСТНОЙ
АКТИВНОСТИ В РОССИИ**

**Специальность – 23.00.02 – «Политические институты, процессы
и технологии»**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Подписано в печать 29.04.2012 г.

Бумага типогр. № 1

Печать офсетная

Заказ № 171

Формат 60х 1/16

Гарнитура «Times»

Уч. издат. л. 1,5

Тираж 100 экз.